

УДК811.161.1'38

С. Л. Попов

**КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ
БЕЗЛИЧНОСТИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕАКТИВНОСТИ АГЕНСА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

С. Л. ПОПОВ. КОГНИТИВНО-ЕВОЛЮЦІЙНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ СИНТАКСИЧНОЇ БЕЗОСОБОВОСТІ: ПРИЧИНИ ВИНИКНЕННЯ І СУЧАСНОГО ВИКОРИСТАННЯ НЕАКТИВНОСТІ АГЕНСА (НА МАТЕРІАЛІ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ).

У статті аналізуються когнітивні причини неактивності агенса в російських безособових конструкціях. Розглядаються лінгвістичні аспекти й різновиди синтаксичної безособовості. Ставиться питання про причини кількісного переважання безособових конструкцій над номінативними конструкціями в сучасній російській мові. Застовуються відомості суміжних з лінгвістикою наук про ступені сприйняття та такі, що з ними корелюють, прояви пізнавальної активності носіїв мови.

Ключові слова: синтаксис, агенс, дієслово, особовість / безособовість, активність / пасивність, перехідність / неперехідність, когнітивна еволюція.

С. Л. ПОПОВ. КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ БЕЗЛИЧНОСТИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕАКТИВНОСТИ АГЕНСА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА).

В статье анализируются когнитивные причины неактивности агенса в русских безличных конструкциях. Рассматриваются лингвистические аспекты и разновидности синтаксической безличности. Ставится вопрос о причинах количественного преобладания безличных конструкций над номинативными конструкциями в современном русском языке. В ходе ответа на данный вопрос применяются сведения смежных с лингвистикой наук о степенях восприятия и коррелирующих с ними проявлениях познавательной активности носителей языка.

Ключевые слова: синтаксис, агенс, глагол, личность / безличность, активность / пассивность, переходность / непереходность, когнитивная эволюция.

S. L. POPOV. COGNITIVE AND EVOLUTIONARY INTERPRETATION OF SYNTACTIC IMPERSONALITY: THE CAUSES OF ORIGIN AND MODERN USE OF AGENT INACTIVITY (IN THE RUSSIAN LANGUAGE).

The article presents the cognitive and evolutionary interpretation of syntactic impersonality in the Russian language. The target of research selection is conditioned by the next considerations. Many Indo-European languages and languages of other families evolved from agential inactive ergativity to agential active nominativity. Having developed activity of agent in nominative constructions, these languages communicative comfortably kept the possibility to express inactivity of agent in impersonal constructions of sphere of existence. The Russian language on the whole evolved in line with this tendency, but in two aspects it showed evolutionary lag and even anti-evolutionism. Firstly, Russian syntax saved impersonality in spheres of natural phenomena, of organism and modality of type "it is Necessary", where, in particular, in German and Romance grammars only nominativity is preferred. Secondly, as researchers note, in the last decades in Russian syntax there are high frequency and expansion of impersonal constructions of sphere of existence application, including the conceptualisation of situations that require the active presence of agent.

The cognitive and evolutionary approach to study of language phenomena is supposed to exposure language phenomena reasons. While studying the reasons of agent inactivity in Russian impersonal constructions the data of subjects allied with linguistics (evolutional epistemology, age-related psychology, ethnic psychology, history and other allied with linguistics anthropo-sciences – about perception) are used. The perception quality influence on the quality of logic as building thinking is

© С.Л. Попов, 2016

<http://doi.org/10.5281/zenodo.165204>

grounded. The thesis about the perceptual conditioned quality of logic influence on cognitive activity of native speakers and their spontaneous forming and changing of linguistic structures is accepted. Syncretical, surface and alternative degrees of perceptions providing corresponding quality of logic and, as a result, of linguistic structures are presented. Possibilities of native speakers evolution from one degree of perception to another are demonstrated. The reasons of different rates of cognitive evolution for different languages native speakers are explained from the position of evolutionary epistemology. The data about inactive manifestation of mentality of the Russian native speakers substantiated by A. Wierzbicka are cited. The optimistic position of M. Epstein in relation to development of activity of agent in the field of transitivity of Russian verbs and the pessimistic position of T. Radbil in relation to development of activity of agent due to unjustified wide spreading by modern Russian native speakers of application of impersonality and passive- reflexiveness are compared. Finally the conclusion is drawn that perceptive evolution of Russian native speakers must precede the evolution of agent activity in Russian grammar.

Key words: syntax, agent, verb, personality / impersonality, activity / inactivity, transitivity/intransitivity, cognitive evolution.

Как известно, в языках разных групп и семей широко распространены номинативные, личные, отличающиеся активностью агенса конструкции, в том числе пришедшие на смену конструкциям эргативным, указанной активностью не отличающимся [2, с. 61]. Однако в этих языках, обладающих преимущественно номинативным строем, в том или ином количестве представлены конструкции, которые характеризуются пассивностью агенса. Такие конструкции называют безличными, и можно говорить о том, что между личностью и безличностью существует определенная, в каждом языке своя, градация [19, с. 272]. Указанные конструкции подробно исследованы и классифицированы в соответствии с принципами господствовавшего в течение нескольких десятилетий структурализма, в связи с чем вопрос о причинах возникновения и существования синтаксической безличности, коррелирующей с пассивностью агенса, лингвистами не ставился. Однако постановка такого вопроса закономерна в соответствии с принципами антропоцентризма в лингвистике в целом и когнитивной лингвистики в частности, одним из основополагающих принципов которой является принцип объяснительности как следующий этап познания после структуралистского принципа описательности [9, с. 25–27].

Целью настоящей статьи является выявление причин происхождения и современной потребности в безличной неактивности агенса, которое осуществляется на материале русского языка.

Согласно определению одного из пионеров когнитивной лингвистики А. Е. Кибрика агенс – это одушевленный участник ситуации, ее намеренный инициатор, контролирующей ситуацию, непосредственно исполняющий соответствующее действие и являющийся «источником энергии» этого действия; в номинативных языках агенс, как правило, выражается подлежащим или, в пассивных конструкциях, агентивным дополнением [8]. Агенс представлен в полной мере в личных конструкциях, представляющих собой крайнюю точку личности на шкале личности-безличности. Далее на этой шкале в сторону крайней точки безличности личность убывает и, соответственно, безличность возрастает.

Ю. С. Степанов отмечает, что безличные предложения существуют в четырех сферах: 1) стихийные явления природы, например *Светает*; 2) стихийные явления организма, например *У меня болит голова*; 3) сфера модальности типа «Надо», например *Вам нужно отдохнуть*; 4) сфера существования, например *Случилось так, что...* [19, с. 273]. Невозможно не заметить, что русский язык оказывается «более безличным», чем, например, германские и романские, то есть тоже индоевропейские, языки, уже во второй и третьей сферах безличности: русской безличной конструкции *У меня болит голова* соответствуют личные конструкции: английская *I have a headache*, немецкая *Ich habe Kopfschmerzen*, французская *J'ai mal à la tête*, испанская *Tengo un dolor de cabeza*, а русской безличной конструкции *Мне нужно* соответствуют личные конструкции: английская *I need*, немецкая *Ich brauche*, французская *J'ai besoin de*, испанская *Necesito*. Из этого следует, что сферы стихийных явлений организма и модальности типа «Надо» для безличности лингвистическими универсалиями не являются. В частности, они актуальны для русского языка.

При безличности наблюдается отсутствие выражения причин чего-либо. Это подтверждается такими примененными лингвистами характеристиками безличности, как «неосознанность, произвольность, безотчетность» (А. Н. Гвоздев [6, с. 208]), «результат действий неопределенной совокупности стихийных сил» (Е. С. Скобликова [16, с. 115]), «действие в отрыве от деятеля, как стихийный процесс» (В. В. Бабайцева и Л. Ю. Максимов [15, с. 101]), «неосознанность, неизвестность, стихийность» (М. А. Шелякин [21, с. 114]), «неактивность субъекта» (А. В. Петров [11, с. 58–59]). Во всех этих определениях указана прямо или выводится как следствие такая характеристика, как стихийность, то есть неподконтрольность человеку происходящего по той причине, что происходящее живет своей, неподвластной человеку жизнью. Очевидно, что, употребляя безличные конструкции, говорящие выглядят не стремящимися к постижению закономерностей происходящего и контролю над ним. Но вопрос состоит в том, чем обусловлено такое нестремление – нежеланием или невозможностью постижения причин происходящего? Ответ на этот вопрос следует искать в диахронии.

На раннем этапе когнитивной эволюции человека все происходящее в указанных четырех сферах, и особенно в первых двух – сферах стихийных явлений природы и организма, – было для человека принципиально непостижимым и потому вызывающим страх. Это объяснение доказывают положения эволюционной эпистемологии, возрастной и этнической психологии, истории и других смежных с лингвистикой антропонаук.

Основным когнитивным понятием, важным для осуществления указанного доказательства, является восприятие. Долгое время восприятие считалось достаточно автономным средним звеном между ощущением и представлением. Под восприятием понимали чувственный образ, который формируется на основе ощущений и является основой представления, а также сам процесс указанного формирования [10, с. 92–93, 429, 475]. В современной когнитивной психологии основной функцией восприятия считается категоризация [18, с. 95; 1, 44; 3, с. 23–26; 5, с. 208].

Однако качество категоризации различается в зависимости от степени восприятия. Таких степеней три: синкретичное восприятие, поверхностное восприятие и альтернативное восприятие. При синкретичном восприятии воспринимаемое оказывается целостным, нерасчлененным и фиксируется как явление без признаков, без структуры. При поверхностном восприятии происходит категоризация воспринимаемого по случайно воспринятому, как правило – ближайшему, или «лежащему на поверхности», признаку. При альтернативном восприятии воспринимаемое категоризируется по одному, наиболее подходящему из имеющихся в наличии, то есть альтернативных, признаков (подробнее о степенях восприятия – см., например, [13, с. 5–105]).

Древний человек и современный первобытный человек не в состоянии понять, почему рано утром, когда еще не видно солнца, постепенно становится светлее, почему болит голова, почему перед охотой или битвой нужно совершить определенный ритуал, почему именно этот, а не другой человек является вождем племени или царем державы. Он не может понять причины этих явлений потому, что не выделяет их признаки, не воспринимает их структуру, то есть демонстрирует вполне понятный для такого этапа когнитивного развития синкретизм их восприятия. Этот синкретизм естественным образом отражается в наивной картине мира, которая, как известно, в значительной мере отражена в естественных языках, в частности в их грамматиках. Крайним грамматическим проявлением невосприятия причин происходящего является синтаксическое явление безличности. Весьма примечательно, что безличности нет в искусственных языках [19, с. 272].

В ходе когнитивной эволюции синкретизм восприятия постепенно преодолевается. Прежде всего он сменяется восприятием поверхностным. В таких случаях человек категоризирует явления по первым оказавшимся в зоне его восприятия признакам. Иногда случается «счастлирое гносеологическое совпадение»: поверхностно воспринятый признак явления оказывается существенным для его истинной категоризации, например человек понимает, что рано утром становится светлее потому, что солнце, несмотря на то что его еще не видно, находится где-то очень близко, как говорят астрономы – «за горизонтом событий», то есть вот-вот покажется. Однако в большинстве случаев при поверхностном восприятии признаков категоризация оказывается неверной. Например, человек решает, что голова у него болит потому, что недоброжелатель, применив колдовство, навел на него порчу, ритуал перед охотой или битвой важен потому, что люди говорят (и человек как неотделяемая часть социума склонен им верить), что такой ритуал приносит на ней удачу, а этот человек является вождем потому, что это право перешло к нему от отца

(то есть вопрос об особенностях первого избрания вождя в этом роду в сознании не возникает). Однако независимо от удачности или неудачности категоризации по поверхностно воспринятым признакам безличные конструкции в грамматиках сохраняются: *Светаает; У меня болит голова; Надо уважать старших; У нас есть царь, помазанник божий.*

Современный познающий действительность человек – носитель языка все чаще демонстрирует альтернативное восприятие: воспринимает разные признаки явления, выделяя среди них признак, существенный для категоризации этого явления. Он может сказать: *У меня болит голова не потому, что кто-то навел на меня порчу, а потому, что меняется погода, а я, как эмпирически достоверно доказали мне врачи, метеозависимый человек; Совершать ритуал перед охотой или битвой глупо, потому что связь между ним и результатом охоты или битвы не доказана; Он – вождь или царь не потому, что бог мистически, то есть принципиально неverifiedируемо для всех, назначил его на эту должность, а потому что его когнитивно развитые более других предки придумали эту легенду для обмана и устрашения когнитивно менее развитых верноподанных.* Обладая альтернативным восприятием человек – носитель языка пытается находить причины явлений, описываемых безличными конструкциями, и потому может их описывать другими, с активным агенсом, конструкциями, но – конструкции безличные употребляет продолжает. Очевидно, что их употребление может быть инерционным (хорошо известно, что изменения в грамматиках редки и медленны), но очевидно и то, что эти конструкции востребованы.

Указанная востребованность безличности подтверждается и их диспозитивной, то есть обоснованно сосуществующей, вариантностью с другими конструкциями в парадигме личности-безличности. В современном русском языке имеются безличные конструкции семантической сферы существования, которые оказываются грамматическими вариантами конструкций личных и неопределенно-личных. Носители современного русского языка нередко смешивают или, напротив, неосознанно различают и диаметрально противоположные – абсолютно личные и абсолютно безличные – конструкции, например *документы не сохранились – документов не сохранилось* и *исключения не предусмотрены – исключений не предусмотрено*, и относительно близкие на шкале личности-безличности неопределенно-личные и безличные конструкции, например *продукцию выпускают – продукция выпускается, продукцию выпустили – продукция выпущена, не выделили лимита – не выделено лимита.* В ортологии такие нередко смешиваемые конструкции являются объектом дифференциации. Так, личные и безличные конструкции различаются семантически: как имеющие значения конкретности активного субъекта, то есть агенса, и абстрактности пассивного субъекта [7, с. 54–58; 12, с. 230–236], – а неопределенно-личные и безличные конструкции различаются стилистически: как нейтральные и официальные [7, с. 57–58, 302–307; 12, с. 313–314]. Такая дифференциация свидетельствует о том, что многие носители русского языка подсознательно не приемлют семантического или стилистического тождества таких вариантов и потому неосознанно конвенциализированно различают их. Следовательно, безличные конструкции являются коммуникативно востребованными и с точки зрения их вариантных оппозиций.

С учетом наблюдаемой семантической и стилистической дифференциации личных (в широком, градационном смысле) и безличных конструкций сферы существования причина употребления безличных конструкций в дополнение к личным конструкциям, в отличие от безвариантности безличности в сферах стихийных явлений природы, организма и сфере модальности типа «Надо», становится очевидной: возможность описать ситуацию как осуществляемую не только с участием, но и без участия активного агенса коммуникативно гибка и потому коммуникативно комфортна. Однако, как убедительно доказывает Т. Б. Радбиль, и в этой, казалось бы гармонично-диспозитивно вариантной, сфере наблюдается тенденция существенного количественного превалирования безличности над личностью [14, с. 322–323] (подробнее об этом речь идет ниже).

По всей видимости, причиной повышенной коммуникативной востребованности безличных конструкций в современном узусе носителями языка, которые обладают альтернативным восприятием, может быть не невозможность, как это наблюдается при синкретичном восприятии, а нежелание называть причину существования того или иного явления. Очевидно, причина частотного в русском языке нежелания выражать активность агенса кроется в особенностях когнитивной эволюции носителей русского языка. Последствия такой эволюции хорошо известны. В 1996 году А. Вежбицкая отметила такие особенности русского менталитета, как «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания», «ощущение того,

что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена», «склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности», «недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [4, с. 34].

Такие ментальные особенности русских в значительной мере объясняются тем, что когнитивная эволюция человечества по различным причинам не везде проходит одинаково. Еще в VII-II веках до н. э. в Китае, Индии и на Западе, особенно в Греции, происходило преодоление мифологического мировосприятия, то есть синкретичного и в значительной мере поверхностного восприятия себя и окружающей действительности. Как замечает видный философ XX века К. Ясперс, назвавший указанный период времени «осевым» (особенно выделив значимость V века до н. э.), в это время «человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения», при этом уже не желая на основании данных поверхностного восприятия объяснять явления «ужасного мира» действием сверхъестественных сил. «Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт». Однако в триумфальную эволюцию восприятия и, как следствие, мышления с присущим ему строем – логикой, – опирающимся на данные восприятия, эта когнитивная революция не превратилась: «Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания» [23, с. 34]. О медленном отступлении и некоторых победах мифического мира можно говорить и в отношении русского менталитета. Особенно наглядно это проявляется в сфере синтаксической безличности и соотносимой с ней в плане неактивности агенса сфере морфологической непереходности русских глаголов.

М. Н. Эпштейн, отмечая факт непереходности двух третей русских глаголов и объясняя причину этого явления социально-исторически сложившейся неразвитостью субъектно-объектных, в том числе имущественных, отношений (об этих и других проявлениях безынициативности «русских» подробно пишет А. Вежицкая [4, с. 33–88]), приходит к следующим выводам: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению **непереходного мировоззрения**, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет. <...> На протяжении многих веков своей истории русский язык впадал в непереходность. Ряд глаголов, употреблявшихся как переходные, впоследствии перешли в разряд непереходных. Раньше говорили: *воевать врага, править народ, работать сапоги* (сейчас такое словоупотребление сохранилось у художников: «работать вещь, картину, скульптуру»). Многие непереходные глаголы образовались посредством возвратного постфикса *-ся* от переходных, которые постепенно вышли из употребления. Раньше в языке были глаголы **бороть, каять, сомневаться, отчаивать, трудить** (у А. С. Грибоедова в речи Чацкого: «Чтоб не трудить себе ума...»); но их вытеснили соответствующие непереходные глаголы с постфиксом *-ся*. И вот уже люди трудятся, но никого и ничего не **трудят**. Общаются, но никого не **общают**. Улыбаются, но не **улыбают**. Каются, но не могут никого **каять**. Гордятся и сомневаются, борются и ленятся, стремятся и отчаиваются — но никого не **гордят** и не **сомневают**, не **борют** и не **ленят**, не **стремят** и не **отчаивают**» [22]. Непереходность большинства русских глаголов естественно признать рудиментом того первобытного восприятия окружающего мира, в котором все происходит само собой, поскольку наделено мистической, то есть непознаваемой, силой, которой человек противостоять не в состоянии. Отсутствие инициативы и ответственности – результат синкретичного невосприятия выгоды, предоставляемой инициативностью и возможностью действовать альтернативно, не по привычному шаблону. «Однако у русской грамматики, – оптимистично замечает М. Н. Эпштейн, по сути пропагандируя альтернативность восприятия, – есть достаточный запас гибкости, чтобы вырвать свою глагольную систему из этого оцепенения непереходности, оживить каждый непереходный глагол его переходной функцией, переводящей действие от субъекта на объект». Автор приводит достаточное количество ненормативных с современной точки зрения употреблений из разговорной, жаргонной и детской речи, например *Его ушли; Кто за девушку платит, тот ее и танцует; Его нет дома, пошел гулять собаку; Я тебя отдохну; Ты меня заблудил; Папа, поплавай меня; Стал меня скучать; Прыгни шарик* [22].

Эволюционная перспектива показанной М. Н. Эпштейном тенденции развития переходности русских глаголов может быть поставлена под сомнение. Проблема состоит в том, что зафиксированные А. Вежбицкой особенности русского менталитета (см. выше) не только по-прежнему актуальны – эти тенденции усиливаются. Т. Б. Радбиль, проанализировав большое количество речевых примеров, представляет «совсем иную картину»: «Несмотря на свою определенную активность, процесс «развития переходности» в современной русской речи по степени своей распространенности не может идти ни в какое сравнение с обратным процессом «экспансии безличности или пассивно-возвратности». Инновационные тенденции в русской грамматике показывают значительное расширение сферы применимости пассивно-возвратных и безличных конструкций, особенно по отношению к концептуализации ситуаций или психических состояний, которые требуют по логике активного «присутствия» агенса». В числе прочих автор приводит такой показательный пример: «С сигаретой *было «поступлено» абсолютно несправедливо...* Речь идет о том, что говорящий сам как-то поступил с сигаретой, но примечательно, что субъект всячески избегает контроля даже за собственным, вполне очевидным для него действием» [14, с. 322–323]. После знакомства с такими примерами невозможно согласиться с З. К. Тарлановым в том, что в русской грамматике «безличное предложение – это одно из языковых средств, иллюстрирующих магистральную линию развития человеческой мысли от конкретного к обобщенному» [20, с. 32], поскольку такая распространенная в русском языке обобщенность отражает первоначальную стадию восприятия действительности агенсом, синкретично не отделяющим себя от этой имеющей самостоятельную активность действительности и поверхностно связывающим свою судьбу с проявлениями именно такой, внешней по отношению к нему активности (см. об этом [12, с. 110–136]). Не случайно А. Вежбицкая и Т. Б. Радбиль говорят о злоупотреблении этой обобщенностью, свидетельствующем о пассивности, несамостоятельности агенса.

Итак, этимологическая причина безличной неактивности агенса, столь распространенной в русской грамматике, состоит в труднопреодолеваемой инерции синкретично-поверхностного восприятия действительности, затрудняющего восприятие позитивных, связанных с активностью агенса альтернатив сложившемуся положению дел. С когнитивно-эволюционной точки зрения, невозможно не согласиться с М. Н. Эпштейном: «Грамматика – это не то, что мы думаем, а **чем** мы думаем, когда говорим, или даже **то, что думает нами**; это бессознательное нашего мышления. Как серый кардинал, грамматика всегда остается в тени, чтобы тем более уверенно править нами. Изменить грамматику языка гораздо труднее, чем провести национализацию или, напротив, приватизацию собственности. Вроде бы собственность уже твоя, частная, а ты все равно при ней всего лишь косвенное дополнение, а не подлежащее, говоришь и думаешь: “она у меня есть”, а не “я ее имею”. Самые глубинные преобразования в обществе осуществляются тогда, когда меняется его язык, массово рождаются новые слова, значения, идиомы, а главное – новые грамматические модели и правила» [22]. Важно признать, что упомянутые автором «самые глубинные преобразования в обществе» действительно часто «осуществляются тогда, когда» в языке «массово рождаются» «новые грамматические модели и правила» (мы говорим «часто», потому что имеются исключения: Э. Сэпир вполне обоснованно предлагает не сопоставлять развитие языка (то, как мыслится) и развитие культуры (то, что мыслится) [17, с. 193], а Б. Бичакджан обращает внимание на весьма архаичное «левое ветвление» порядка слов в японском языке, диссонирующее с несомненным когнитивным прогрессом японского социума [2, с. 64]). Но наивно ожидать изменений в грамматике без предшествующих им изменений в мышлении, строй которого – логика – столь зависим от качества восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Дж. Когнитивная психология / Джон Андерсон / Пер. с англ. С. Комаров. — 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 496 с.: ил. — (Мастера психологии).
2. Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка / Б. Бичакджан // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 59–88.

3. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Джером Брунер / Пер. с англ. К. И. Бабицкого. — М.: Прогресс, 1977. — 413 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая / Пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
5. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. / Борис Митрофанович Величковский. — Т. 1. — М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. — 448 с.
6. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / Александр Николаевич Гвоздев. — М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1952. — 336 с.
7. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 2001. — 557 с.
8. Кибрик А. Е. Агенс / А. Е. Кибрик // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 17.
9. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / Александр Евгеньевич Кибрик. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.
10. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Николай Иванович Кондаков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1975. — 720 с.
11. Петров А. В. Семантика безличности / А. В. Петров // Филологические науки. — 2009. — № 1. — С. 57–64.
12. Попов С. Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: Дис. ... докт. филол. наук / Сергей Леонидович Попов. — Харьков, 2015. — 453 с.
13. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / Сергей Леонидович Попов. — Харьков: НТМТ, 2013. — 150 с.
14. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Тимур Беньюминович Радбиль. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 328 с.
15. Современный русский язык: В 3-х ч. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация: Учебное пособие / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. — М.: Просвещение, 1981. — 271 с.: ил.
16. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: учебное пособие / Елена Сергеевна Скобликова. — М.: Просвещение, 1979. — 236 с.
17. Сэпир Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сэпир // Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. — С. 26–194.
18. Солсо Р. Когнитивная психология / Роберт Солсо / Пер. с англ. С. Комаров. — 6-е изд. — СПб.: Питер, 2011. — 589 с.: ил. — (Мастера психологии).
19. Степанов Ю. С. Личности — безличности категория / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 272–273.
20. Тарланов З. К. Родительный неопределенного количества как один из системных факторов категории безличности в русском языке / З. К. Тарланов // Филологические науки. — 2006. — № 3. — С. 32–40.
21. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка / Михаил Алексеевич Шелякин. — М.: Русский язык, 2001. — 288 с.
22. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн // Знамя. — 2007. — № 3. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>.
23. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — С. 28–286. — (Мыслители XX века).

(Статья поступила в редакцию 25 июня 2016 г.)